

Он просто хотел быть Гу Чуньлаем, хотел видеть туман и ветер, хлопья облаков, желтеющие поля, снега Килиманджаро, идти в одиночестве по морю и вдруг увидеть маяк впереди.

Он хотел быть Гу Чуньлаем рядом с Сяо Жофэйем, вернуться к нему, любить его и провести всю жизнь с тем, кого любит.

Перед звонком Сяо Жофэй был уверен, что Гу Чуньлай просто уехал на съёмки. Хотя съёмочная группа была ужасной, а съёмки на открытом воздухе были рискованными, и Гу Чуньлай, вероятно, устал, он верил, что после первого дня съёмок, когда Гу Чуньлай получит телефон, они смогут поговорить. Он расскажет о своих трудностях, услышит сообщение Гу Чуньлая и будет уверен, что тот тоже будет откровенен.

Затем они помиряются, и Сяо Жофэй решил, что, когда Гу Чуньлай вернётся домой, он сам предложит жить вместе. Он ещё не успел обдумать последствия, но знал, что агенты постоянно напоминали ему, что карьера Гу Чуньлая ещё не определена, и малейшая ошибка может стать последней каплей.

Но они любят друг друга, и если они не смогут преодолеть всё вместе, будущее станет пустым звуком.

Он верил, что у них получится.

К тому же сейчас конец года, и даже при всей занятости, выделить день или два на свидание вполне возможно.

Всё шло к лучшему, трудности уменьшались. Когда чувства и карьера стабилизируются, звон в ушах, вызванный душевным беспокойством, скоро исчезнет.

Всё должно было быть именно так, план должен был сработать, жезл в его руке должен был сиять, указывая на будущее.

Поэтому, когда он услышал новость от Сяо Цаньсин, сначала подумал, что съёмочная группа шутит, что-то перепутали. Как человек, который был у него на руках всего пару дней назад, мог просто исчезнуть?

Но ассистент Гу Чуньлая, Цзинь Синьсинь, повторил по телефону несколько раз, что группа «Зал славы», находившаяся на той же трассе, что и дуэт Гу и Бай, сообщила, что две команды участников срезали путь, а за пределами трассы ситуация была опасной. Бай Яньнань случайно упал со склона, а Гу Чуньлай, пытаясь спасти его, тоже упал. Группа «Зал славы», заметив неладное, немедленно сообщила съёмочной группе. Сейчас съёмки остановлены, и группа ищет двоих, но местность сложная, и пока результатов нет.

Упал со склона. Упал. Пока результатов нет.

Сяо Жофэй старался не думать о худшем, но в ушах снова появился оглушительный звон. Он механически двигался, пока не осознал, что уже едет, а в голове ещё звучали слова матери:

— Не волнуйся о собрании акционеров, поезжай за Чуньлаем!

Сяо Жофэй словно потерял душу, перестал ощущать время и звуки, только пейзажи перед глазами менялись: небо, облака, горы, реки, бетонные джунгли, высотные здания.

Наконец перед ним появился Бай Яньнань.

Только тогда он огляделся. Вокруг было много оборудования и людей: ассистенты и менеджеры Бай Яньнана, девушка с покрасневшими глазами, даже Ся Чжи пришла.

— Это... больница? — с трудом произнёс Сяо Жофэй.

Бай Яньнань кивнул, удерживая растерянного Сяо Жофэя, и из его рта вырывались лишь отрывистые фразы.

Гу Чуньлай, ростом 180 см, похудевший до 50 кг для роли Чжоу Сяоча, на улице при температуре около нуля, с возможными проблемами со спиной, даже в таких условиях, скатываясь вниз по склону, всё время защищал другого человека, в результате получив открытый перелом левой руки, перелом рёбер и множественные травмы по всему телу. И он ничего не сказал о своём состоянии, нёс на себе Бай Яньнана с переломом лодыжки, пока не свалился в лесу.

Где же его Гу Чуньлай? Ему больно? Как он сейчас, почему люди из «Цаньсин» тоже не с ним?

— Он... потерял много крови... всё ещё в реанимации...

Слёзы, которые Бай Яньнань сдерживал долгое время, вдруг хлынули, как у ребёнка, потерявшего все игрушки, и он зарыдал, повторяя «прости».

Сяо Жофэй не реагировал, только смотрел, как губы Бай Яньнана двигаются, словно демон раскрывает пасть, чтобы проглотить его, разрывая каждую нервную клетку, и в ушах уже не было никаких звуков.

Это была лишь физическая реакция на психологическую проблему.

Но его душевная боль не была решена.

Его сердце почти исчезло.

Вокруг было слишком много людей, Сяо Жофэй чувствовал, что стало слишком шумно. Бай Яньнань, казалось, был в порядке, и вместо того, чтобы сидеть здесь и лить слёзы, лучше пойти к операционной и ждать Гу Чуньлая. Он только встал, как Бай Яньнань грубо его остановил.

— Что случилось?!

Увидев, как все вокруг напряглись, Сяо Жофэй понял, что эти слова он произнёс с такой силой, что они прозвучали как гром.

Бай Яньнань тоже испугался:

— Чуньлай... Чуньлай перед тем, как потерять сознание, сказал мне, что в шкафу в спальне есть деревянная шкатулка, а в ней... его... завещание.

Сяо Жофэй видел, как трудно Бай Яньнань произнёс последние два слова. В их возрасте смерть казалась далёкой, а завещание было лишь формальностью для защиты имущества.

Это был первый раз в жизни Сяо Жофэй, когда он почувствовал, что это слово напрямую связано со смертью. Он даже не знал, в каком состоянии Гу Чуньлай произнёс это.

Стиснув зубы, он кивнул, отправил сообщение Чжан Ичэну, оставшемуся в городе, и повернулся, чтобы в одиночестве направиться к операционной, где находился Гу Чуньлай.

Менее чем через два часа шкатулка, о которой говорил Бай Яньнань, лежала в руках Сяо Жофэй.

Шкатулка была тяжёлой, без замка, и при лёгком нажатии открылась. Сверху лежали несколько нотариально заверенных документов, вероятно, оригиналы завещания Гу Чуньлая. Сяо Жофэй быстро закрыл крышку, глубоко вздохнул, закашлялся и с трудом успокоил дыхание.

Только тогда он снова открыл шкатулку, вынул документы и прижал их к груди. Под документами лежал блокнот, а рядом стопка конвертов, плотно набитых, на каждом из которых была дата, начиная со второго года после выпуска и до этого года.

Этот блокнот Сяо Жофэй узнал — это был тот самый альбом для эскизов, который Гу Чуньлай всегда носил с собой и никому не показывал. Он был так стар, что края уже истёрлись.

Однажды Сяо Жофэй, охваченный любопытством, подкрался к спящему Гу Чуньлаю и украдкой заглянул в альбом. Увидев несколько рисунков, он смутился и ушёл. На страницах были изображены знаменитая акация на территории школы, столовая рядом с общежитием, аудитория для занятий первого курса и переулок, где они часто пили.

Эти незначительные моменты вдруг ожили в сердце Сяо Жофэя. Он колебался, но снова открыл альбом. Дерево всё ещё было тем же, переулок таким же узким и извилистым, но следы карандаша, вытертые временем, стали блестящими и желтоватыми, обретая объём и запах воспоминаний.

В последний раз, когда он видел этот альбом, на последней странице была набережная городского канала, но на следующих листах явно были следы использования.

Сяо Жофэй медленно перелистывал страницы, и дыхание его замирало. На бумаге были глаза, нос, губы, морщинки на лбу, румянец на щеках, спина, торчащие пряди волос и уголки рубашки, под разными углами, в разном возрасте. Эти образы могли сложиться в светящуюся дугу времени одного человека, но автор рисунков намеренно разбил его на части, рассматривая глаза глазами, касаясь руками рук, проникая в сердце сердцем, вписывая его в свою плоть и кровь, запоминая на всю жизнь.

Все эти фрагменты принадлежали одному человеку.

Все они принадлежали ему, Сяо Жофэй.

Сяо Жофэй прикрыл рот рукой и продолжал листать. На последней странице наконец появилось его полное лицо.

Это лицо было на экране телефона, слегка искажённое, рядом с ним лежали несколько опрокинутых бутылок, а дата в углу указывала на первое января этого года.

Сяо Жофэй помнил, что в новогоднюю ночь Гу Чуньлай и Бай Яньнань снимали «Два города», а после съёмок хвастались в [чате «Короли мира»], как весело было на площадке, что делало его, одиноко сидящего дома с бутылкой, ещё более одиноким. Хотя он обычно привык к одиночеству, в тот день почему-то захотелось компании, и он отправил в чат смайлик с зажатым ртом. Через несколько секунд Бай Яньнань прислал видеовызов. Он ответил и увидел на экране покрасневшее лицо Бай Яньнана, который строил рожицы и требовал поцелуя. Сяо Жофэй с улыбкой попросил его остановиться, и как только он это сказал, из-за спины Бай Яньнана раздался знакомый голос, спрашивающий, не хочет ли он кусочек торта.

Затем в свете появилось лицо Гу Чунляя, держащего в руках торт, украшенный кремом, и протягивающего его Бай Яньнаню. В уголке его глаза был синяк, а уголки губ были подняты в улыбке.

<http://bllate.org/book/15563/1415823>